

Он обозначил на фигурке триста шестьдесят пять главных акупунктурных точек и написал два иероглифа: «Девять Истин».

Не вполне понимая, Ли Чжао кивнула и спросила:

— Но как сохранить истину?

— Несложно. Просто сиди в медитации. Нужно достичь душевного покоя и ясности сознания, совершить три тысячи пятисот сидений. Не надо намеренно пробивать каналы — когда энергия наполнится, она сама откроет их. Укореняйся в пустоте и покое, не расточай ци из-за корысти и желаний, тогда естественным образом сохранишь Девять Истин.

Он нарисовал ещё одну сидящую фигурку, но та вышла настолько примитивной, что на неё было больно смотреть.

— То есть нужно следовать естественному ходу вещей, не пытаться форсировать? — Ли Чжао тоже нарисовала схему, изобразив позу даоса во время медитации — и форму, и дух передала точно.

Си Амао приподнял бровь и похвалил:

— А ты и впрямь хорошо рисуешь.

— Хе-хе, да ладно, — обрадовалась и даже немного возгордилась Ли Чжао, улыбка сама собой озарила её лицо, хотя на словах она попыталась сохранить скромность.

Видя это, Си Амао кашлянул и сказал серьёзно:

— Раз девушка смогла постичь естественность, значит, способности к озарению у неё неплохие. Добавлю ещё: если сердце радуется, не притворяйся напускной скромностью. Лишь будучи честной с собой, можно сохранить истинное и отбросить ложное.

— Но мой учитель говорил, что человек должен быть скромным, — улыбка сошла с лица Ли Чжао, брови слегка сдвинулись.

— Подлинная скромность — не в самообмане, а в том, чтобы не судить о вещах легкомысленно, не ставить себя выше небес, знать свои сильные и слабые стороны, не преувеличивать и не принижать. Вот что такое скромность. Разумеется, это лишь моё личное понимание — у каждого свой путь, не надо стремиться к единообразию.

Услышав это, Ли Чжао разгладила лоб, в душе что-то прояснилось. Она сложила ладони и с улыбкой сказала:

— Благодарю за наставление.

— Не за что, — уголки губ Си Амао дрогнули, видимо, он тоже испытал некоторое удовлетворение.

— В общем, пока не заложишь основание, не пытайся преобразовывать пищу в эссенцию. Кстати, «преобразование пищи в эссенцию» — это, попросту говоря, то, что ты называешь «питьём вина». Питательные вещества из вина превращаются в эссенцию, питают кровь и ци, впитываются в каналы. Но для этого каналы должны быть открыты, иначе энергия будет накапливаться и застаиваться, нарушится равновесие, и в будущем неминуемо случится

большая беда.

Однако Ли Чжао смутилась:

— Но питьё вина связано с моей внутренней практикой. Я не знаю, преобразуется ли оно в эссенцию, однако, когда вино попадает в желудок, оно порождает ци, и тогда течение энергии становится более свободным.

Тут уже Си Амао нахмурился, в его голосе появилась серьёзность:

— Похоже, ты сделала два шага разом. Я мало знаю о твоей практике, не могу судить — возможно, в ней есть своя логика. Но для безопасности советую тебе сначала заложить основание.

С этими словами он достал из-за пазухи тонкую тетрадь и протянул её Ли Чжао.

— Здесь записаны методы моего бессмертного учения, они должны принести тебе пользу. Так что...

— Нельзя, нельзя! Как же я могу принять у даоса столь ценную вещь! — не дав ему договорить, Ли Чжао принялась отказываться.

Си Амао с лёгкой досадой свёл брови:

— Кто сказал, что я дарю? Я одолжу тебе на время, а когда встретимся в следующий раз — вернёшь.

Видя, что Ли Чжао всё ещё колеблется, он добавил:

— Не беспокойся о преемственности учений. Даосские врата всегда щедры. И хотя здесь записаны методы достижения Золотого Пилюли, добиться полного успеха крайне трудно. Даже я лишь недавно вошёл в состояние преобразования духа. С твоими способностями к озарению тебе понадобится лет десять, чтобы догнать меня.

— М-да, даос, ты что, подкальываешь меня? — такие слова естественным образом вызвали в Ли Чжао досаду, она скривила губы и перестала отказываться.

— Не болтай ерунды. Я — серьёзный даос, разве стану зря подкальывать девушку? — Си Амао слегка улыбнулся, и в его глазах мелькнула хитринка.

Конечно, не «зря». Ли Чжао слегка сверкнула на него глазами, но вдруг вспомнила, что он назвал её «девушкой», и с любопытством спросила:

— Даос, а сколько тебе лет?

Он явно не ожидал такого вопроса, поэтому на миг застыл, а затем с серьёзным видом выдал два слова:

— Угадай.

Ли Чжао внимательно его осмотрела. У Си Амао сохранились некоторые детские черты, и она подумала, что он, наверное, примерно её возраста. Но раз он не говорит прямо, значит, либо старше, либо младше. Взвесив всё, она ответила:

— Шестнадцать?

Брови Си Амао, острые как мечи, взметнулись вверх — он был явно удивлён.

Похоже, угадала. Ли Чжао почему-то с облегчением рассмеялась:

— Да что ты, оказывается, ты младше меня, всего шестнадцать.

Едва прозвучало «шестнадцать», как лицо Си Амао мгновенно потемнело. Тяжело проговорил:

— Какой шестнадцать? Мне двадцать восемь.

— ...Двадцать восемь? — с недоверием переспросила Ли Чжао.

— Двадцать восемь, — мрачно и твёрдо подтвердил Си Амао.

— Даос, ты... — «Наверняка обманываешь меня» — не успела она договорить, как Си Амао стремительно поднялся.

— Да-даос?

— Они пришли. — Си Амао устремил взгляд на дверь, рука легла на белый деревянный меч у пояса.

— Кто пришёл? — Ли Чжао тоже встала, выглянула наружу, но ничего не увидела. Даже ветер не шелохнул траву...

— Три зловещие звезды. — Произнеся это, он повернулся к большой статуе Будды, упёрся руками и... сдвинул её?!

Ли Чжао не могла не изумиться.

После того как статуя сдвинулась на два-три цуня, с грохотом рядом с ней открылся потайной проход.

— Это...

— У тебя же должна быть карта. Иди быстрее.

Услышав это, Ли Чжао наконец вспомнила, что хозяйка дала ей что-то. Она поспешно достала карту на овечьей шкуре — та и вправду оказалась картой.

Она снова посмотрела на Си Амао. Тот стоял у статуи и тоже смотрел на неё.

— Что уставилась? Они уже близко, беги скорее!

— А ты? — Ли Чжао что-то почувствовала: Си Амао не пойдёт с ней.

— Задержу их, — просто ответил он.

Затем, не дав Ли Чжао заговорить, добавил:

— Не мешкай. Эти трое — младшие, даже не завершившие закладку основания, им не одолеть меня. Если ты останешься, только помешаешь.

Слова были перекрыты, да и Си Амао выглядел уверенно. Ли Чжао стиснула зубы, ответила «Хорошо» и тут же шагнула в потайной проход.

А Си Амао, после того как она вошла, принялся возвращать статую на место.

Когда оставался всего один цунь, из прохода донёлся голос:

— Даос, до встречи!

Си Амао усмехнулся и ответил:

— Я всегда держу слово. Осталось два вопроса, которые я должен тебе разъяснить, так что обязательно встретимся.

Сказав это, он вернул статую в исходное положение. Си Амао выхватил из-за пояса деревянный меч Ваньцзюнь, а позади него бесшумно опустились три длинные тени...

Спустившись в потайной проход, Ли Чжао оказалась в полной темноте. Она достала спрятанное за поясом огниво, резко дунула — свет озарил её лицо, на котором застыла лёгкая тревога.

Она посмотрела вверх, беспокоясь. И здесь совершенно не было слышно, что происходит наверху...

Поболтавшись несколько мгновений, Ли Чжао встряхнула головой и наконец сделала шаг.

Она решила довериться даосу и не тратить здесь время, обесценивая его доброе намерение. Осторожно поднеся огниво к карте на овечьей шкуре, она начала двигаться вперёд, ощупывая путь.

Однако, пройдя всего несколько шагов, она наткнулась на развилку.

Взгляд Ли Чжао стал острым. Она взглянула на карту и без колебаний выбрала левый путь.

Осторожно продвигаясь вперёд, словно ползла по извилистым кишкам, она вскоре увидела впереди слабый свет. Обрадовавшись, она поспешила выбраться из узкого, тесного прохода и ступила на открытое пространство.

Это был перекрёсток, пути вели во все стороны. В каменных стенах были вделаны светящиеся камни, от них и исходил свет. Казалось бы, надо радоваться, но, увидев столько дорог, ведущих в неизвестность, Ли Чжао почувствовала лишь растерянность.

<http://bllate.org/book/16264/1463449>